

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

Студенттер мен жас ғалымдардың
«ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2016» атты
XI Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XI Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2016»

PROCEEDINGS
of the XI International Scientific Conference
for students and young scholars
«SCIENCE AND EDUCATION - 2016»

2016 жыл 14 сәуір
Астана

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ**

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2016»
атты XI Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XI Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2016»**

**PROCEEDINGS
of the XI International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2016»**

2016 жыл 14 сәуір

Астана

ӘӨЖ 001:37(063)

КБЖ 72:74

Ғ 96

Ғ96 «Ғылым және білім – 2016» атты студенттер мен жас ғалымдардың XI Халық. ғыл. конф. = XI Межд. науч. конф. студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2016» = The XI International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2016» . – Астана: [http://www.enu.kz/ru/nauka/ nauka-i-obrazovanie/](http://www.enu.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/), 2016. – б. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-764-4

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

ӘӨЖ 001:37(063)

КБЖ 72:74

ISBN 978-9965-31-764-4

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2016

многочисленных расщелин в скале текла вода. Ее с избытком хватало на весь аул. Отец Азбергена построил здесь мельницу, разбил фруктовый сад, посадил огород, развел козлят. В расщелине скалы, как подчеркнул Азберген, Жили две большие змеи, которые никогда никого не трогали. В скале было отверстие, представлявшее собой некое убежище. В нем укрывались от непогоды, устраивали трапезы. На каменном выступе можно было увидеть Коран. Люди боялись к нему прикоснуться. Говорили, что Коран спрятали в скале покидавшие край муллы. О былом изобилии воды сохранились лишь воспоминания. В настоящее время только из одного источника течет вода. В нем можно увидеть монеты, оставленный паломниками. Считается, что только знающий молитвы может взять эти деньги. Все растущие рядом деревья пестрели многочисленными тряпочками. Самое большое дерево было сломлено и повалено ураганом. Азберген уверял, что видел, как в тот момент из дерева текла кровь.

Святыня «Аулие бастау», испытавшая крайне поверхностное влияние ислама (лишь упоминание спрятанного муллами Корана), явно сохранила элементы архаичного мировоззрения: святость животворящей воды, сакрализация окружающих деревьев.»

С приходом ислама на территорию современного Казахстана анимистические верования у казахов не исчезли, а впитав в себя исламские традиции, продолжают существовать и до сих пор. Вера в «святых» духов является частью, так называемого, «народного» ислама у казахов.

Список использованных источников:

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Том 5. - Москва: Издательство политической культуры, 1985, 476 с.
2. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. - Москва: Издательство политической культуры. 1989, 573 с.
2. Амантурлин Ш.Б. Пережитки анимизма, шаманства ислама и атеистическая работа. – Алматы, 1977, 423 с.
3. Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов. - Алма-Ата, «Қазақ университеті», 1992, 365 с.
4. Штернберг Л.Я. [Первобытная религия](#) в свете этнографии.- Л., [1936](#), 521 с.
5. Валиханов Ч. Этнографическое наследие казахов. - Астана: Алтын Кітап, 2007, 235 с.
6. Акатаев С.Н. Культ предков у казахов и его этногенетические и историко-культурные истоки». - Алматы, 1973, 477 с.

УДК 39

АЛИХАН БУКЕЙХАН О ВЛИЯНИИ КОЛОНИЗАЦИИ НА КАЗАХСКУЮ СТЕПЬ

Досмурзинов Рустем Куандыкулы

rustem.dosmurzinov@mail.ru

студент 4 курса специальности «Археология и этнология»

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель: З. Сураганова

В данной статье представляется целесообразным рассмотреть взгляды А. Н. Букейхана на активизацию процесса колонизации, затронувшую Казахскую степь на рубеже XIX – XX вв. Данной проблеме лидер движения «Алаш» уделял особое внимание и в своих трудах, отстаивая насущные интересы казахского народа, с резкой критикой отзывался о колониальной политике, проводимой имперской администрацией.

Однако прежде следует несколько слов сказать о термине «Казахская степь». Данный термин был введен в науку Э. А. Масановым в работе «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР». В данной работе автор провел аналогии между термином «Киргизская степь» дореволюционных источников и исторически более верным термином «Казахская степь» [1, с. 36]. Данный термин мы и будем использовать в дальнейшем.

XIX век был веком расцвета колониализма, когда почти весь мир был поделен на государства, имеющие эксплуатируемые территории (метрополии) и зависимые территории (колонии). Под термином «колонизация» обычно понимают захват и заселение новых земель. Кроме того, колонизация предполагала эксплуатацию природных богатств и людских ресурсов колонии.

С принятием Младшим жузом российского подданства в 1731 году территория Казахстана становится непосредственным объектом внешнеполитических интересов Российской империи, хотя еще Петр I отмечал, что «оная Киргиз-кайсацкая ...всем азиатским странам ключ и врата» [2, с. 98]. Здесь следует отметить тот факт, что А. Н. Букейхан не считал вхождение казахских земель в состав России процессом добровольным. В труде «Исторические судьба киргизского края и культурные его успехи» он отмечает, что казахи Младшего и Среднего жузов, «прижатые с юга своими к так называемой Горькой линии, были вынуждены признать русскую власть» [3, с. 43].

В колонизации Казахской степи А. Н. Букейхан выделяет два момента: появление здесь вольных колонизаторов и движение по их следам правительственных дружин. «Вольная колонизация, - по его мнению, - создалась появлением крестьян, преступников, сектантов и разного сброда, бежавших сюда от тяжелых условий тогдашней жизни, или ради легкого способа наживы от беззащитного инородца. В этом отношении особенно излюбленным местом явились южный Урал и северо-восток нашего края. Здесь зарождалась мысль о «проведывании земель», сопровождаемая движением вперед, вглубь неведомых стран. Насколько сильно и могущественно было это движение, можно судить по тому, что волна безымянной вольницы в какие-нибудь около двухсот лет (1560-1750 гг.) прошла всю Сибирь от Урала до Камчатки, от Березова до Алтая. Одна из таких боковых волн шла в Киргизский край с севера, по Иртышу и Барабинской степи, другая – с южного Урала по реке Урал и его притокам. Последнее движение началось раньше, но колонизация по Иртышу совершилась скорее, так как эта волна была сильнее; Иртышский край и Алтай, благодаря природным богатствам, имели в глазах колонизаторов большую цену, и сюда направлялось их больше. Это сознавало и русское правительство, направляя сюда впоследствии главные военные силы. Ниже мы увидим, что правительственная колонизация (и завоевание) шла по следам вольной и, так сказать узаконивала ее; в некоторых случаях правительству приходилось просто признать известный участок земли своим, так как он был уже захвачен вольницей» [3, с. 44].

Однако, целью царизма было постепенное присоединение казахских земель без использования больших регулярных сил. Поэтому после завоевания Сибирского ханства царское правительство переходит к строительству крепостей, форпостов, которые составляли укрепленные линии. Основным населением их являлись военные и казаки.

Казаки захватывали лучшие плодородные земли. Так, А. Н. Букейхан в труде «Исторические судьбы Киргизского края» отмечает, что линейное казачье войско, «наделенное землей, жалованьем и продовольствием захватило лучшую гористую часть современного Кокчетавского уезда...» [3, с.53]. Эти земли отличались черноземом высокого качества толщиной почти до одного аршина, обильными водными источниками (реками и озерами), ценными лесами, разнообразием фауны, сплошными площадями хвойных пород, березовыми колками, горными кряжами, сосновыми борами, чистым и здоровым воздухом. Именно здесь располагались казачьи станицы Арыкбалыкская, Акан-Бурлукская,

Кокчетавская, Котыркольская, Лобановская, Щучинская, выселки Аиртауский, Верхне-Бурлукский, Нижне-Бурлукский, Имантауский, Якши-Янгистауский и др. [4, с. 193].

К началу XX в. на территории Казахской степи располагалось 4 казачьих войска: Оренбургское, Уральское, Семиреченское, Сибирское.

По мнению М. Абдирова казачество выполняло три задачи в Казахской степи. Первая состояла в массовом изъятии лучших и плодородных земель и рек, вытеснение в бесплодные пустыни, сужение районов традиционного кочевания и тем самым подрыв векового хозяйственного уклада индигенного населения. Вторая состояла в том, что во время регулярных воинских походов казаки проводили массовый угон скота и лишали тем самым казахов их основного источника существования. Третья состояла в массовом истреблении местного населения во время грабительских набегов на мирные аулы. Все эти задачи вместе, по мнению автора, были направлены на геноцид казахского народа [4, с. 280].

Поскольку казаки несли, в основном, воинскую повинность, царское правительство не считало их крепкой основой для последующей колонизации. В доказательство тому, можно также привести слова генерал-адъютанта Н. Г. Казакова: «Между тем, доколе киргизы (казахи – Авт.) будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевков, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию... Сопредельные с ними по линии казаки, по малочисленности своей, не принесли делу пользы, но сами научились поголовно киргизскому наречью...» [5, с.12].

Сибирское казачество к 1865 году, как заметил А. Н. Букейхан не создало ни одного селения [3, с.51].

Из 820650 дес. всей занятой в Семиреченской области, как отмечает А. Иванов, под оседлость казакам было выделено 629896 десятин, крестьянам 60000 десятин и только около 170000 десятин туземному населению области, занимающемуся земледелием. Отчет говорит, что плодами такой колонизации являлись праздность, тунеядство между казаками за счет арендаторов и окрестных кочевников, истощение земель хищнической, не хозяйственной системой дешевых аренд и нетерпимое отношение казаков к туземному населению [6, с. 7].

Вторая четверть XIX в. стала решающим этапом военной колонизации Казахстана. Длившееся свыше ста лет продвижение России в казахские степи привело к тому, что почти вся территория края, за исключением южных регионов, был включена в состав империи. Почти вся территория Казахстана с запада на восток охватывалась непрерывной цепью военных линий с крепостями, фортами, форпостами, кордонами и пикетами. Так, Уральская линия тянулась от Гурьева до Илецкой защиты и состояла в начале XIX в. из 19 форпостов и 5 крепостей. На нижней линии дислоцировалось 6 тыс., верхней - 7 тыс., в самом Уральске - 17 тыс. казаков. А к 1857 году на нижней – 21 тыс., верхней - 45 тыс., в г. Уральске – 11 тысяч [2, с. 438].

В 1835-1837 гг. создается Новая линия как часть Оренбургской военной линии. Она начиналась от Орской крепости шла на северо-восток. Также укреплялась военная линия на территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Она состояла из четырех военных линий: Ново-Ишимской, Иртышской, Бухтарминской, Бийской. Горькая линия была создана еще в середине XVIII в., включала в себя 11 крепостей с 16 редутами, входила в состав инженерного управления Сибирского корпуса.

В 20-х годах XIX в. начинается выдвижение военных линий и укреплений в глубь степи для прикрытия внешних округов. В 1824 году был открыт Каркаралинский и Кокчетавский приказ, в 1826 г. – Баян-Аульский, в 1827 году - Акмолинский и Кокпектинский, в 1846 г. Атбасарский, в 1846 году Аягузский и Кушмурунский приказ, в 1847 г. Капальское укрепление. В них размещались подвижные казачьи отряды для несения караульной службы.

Завершение присоединения Казахстана совпало с реформами в самой России. Отмена крепостного права, меры, направленные на развитие капиталистических общественных отношений, не могли не затронуть Казахстан. Он испытывал на себе активный процесс

колонизации. Чтобы придать ему целенаправленный систематический характер, царское правительство решило создать в Казахстане административное управление, приближенное к российской системе и максимально отвечающее интересам метрополии. Главной задачей реформы было «добиться постепенного слияния киргизских степей с прочими частями России». Например, в труде «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» под редакцией П. Семенова в XVIII томе «Киргизский край» отмечается следующее: «Киргизы далеки от русского народа. Если они свободно будут кочевать по степным просторам, то их подчинение нам будет пустое слово» [2, с. 127].

Аграрная политика царского правительства в отношении земель, занимаемых казахами, проводилась постепенно, но последовательно и была направлена на утверждение юридических и хозяйственных прав российского государства. Так, в «Уставе о сибирских киргизах» 1822 г. нигде прямо не сказано о государственной собственности на землю. Объявлялось, что «каждый округ имеет определенные надлежащим разграничением земли, и жители другого округа не переходят на оные без точного позволения местного начальства».

Влияние местной администрации определено и в других статьях о землях. Именно областной начальник имел решающую роль в разграничении земель, к тому же при участии военных. Кроме того, областное начальство отводило из окружных земель участки для местопребывания старшего султана, для заседателей, а также в наследственную собственность под хозяйственные заведения – тройную норму султанам и двойную – старшинам. Одинарная норма в 15 десятин выделялась на правах пользования казахам, переводчикам и казахам – целенаправленно для занятия земледелием. В случае, если земельный надел в продолжении 5 лет не использовался, его отбирали.

В «Положении об управлении оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 г. уже прямо заявлено, что «занимаемые оренбургскими киргизами земли, составляющие в виде особой области часть Всероссийской империи, состоят в ведении Министерства иностранных дел» и что «проекты и всякие новые предположения относительно оренбургских киргизов и земель, на коих они кочуют, оренбургский военный губернатор вносит в Министерство».

Позже, в 1867 г., члены комиссии по выработке «Положения об управлении» в казахских степях отмечали, что другого закона, который определял бы земельные права казахов, не существует. На основе указанного Положения казахские земли «местные начальства Оренбургского края признавали и признают... государственными». Во «Временном положении об управлении» от 21 октября 1868 г. уже четко регламентированы пользование и владение землей. В 210 параграфе «Временного положения» записано, что «земли, занимаемые киргизскими кочевьями, признаются государственными и представляются в общественное пользование киргизов» [6, с. 424].

Все земли подразделялись на зимовки и летовки, в соответствии с чем определялись формы пользования ими. Так, зимовки распределялись на специальных съездах и сходах между волостями и аулами, а внутри аульных обществ – между отдельными кибитковладельцами. Зимовки могли быть отграничены, а постройки на них составляли частную собственность. Зимовки передавались по наследству, правда, пока существовали постройки. Летние же кочевки предоставлялись в общественное пользование волости, согласно установившимся обычаям общинного права. По взаимному соглашению населения волости, земли хлебопашества и сенокосения, строения на них также являлись частной собственностью.

«Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» 25 марта 1891 г. унифицировало и свело воедино все законы о землепользовании и землевладении на территории современного Казахстана. Собственно, в нем, в основном, повторялись и закреплялись каноны Временного положения 1868 г. Земли, в том числе леса, признавались государственной собственностью, а земли, занимаемые кочевьями, предоставлялись в бессрочное общественное пользование. Однако

примечание к ст. 120 Положения было совершенно новым по содержанию и гласило, что «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ». «Эти путем, говорилось в комментарии к Примечанию, - ограждаются в будущем права государства на всю обширную территорию степных областей, без стеснения в то же время кочующих инородцев». Таким путем правительственные органы закрепили юридически свои уже фактически существующие права распоряжаться землями, принадлежавшие казахам [6, с. 424].

Следующий период колонизации, определен в научной литературе, как этап крестьянской колонизации. По мнению исследователя, такой вопрос появляется после подписания Санкт-Петербургского трактата в 1881 г. «В исключительно военном населении нужды уже не было; нужно было позаботиться о создании в крае мирного культурного элемента, который оказал бы благотворное влияние на покоренных кочевников» [4, с. 53].

Несмотря на официальные запреты, в Казахской степи А. Н. Букейхан отмечает, что переселение велось систематически и в известной степени рационально. Особую роль в этом процессе имели ходоки, «которые высматривали подходящие места», брали в аренду земли у казахов, убедившись в хорошем состоянии земельного участка [4, с. 55]. Поиски начинались справками в Переселенческом управлении в Омске, которое предлагало на выбор несколько участков. Ходоки пытались определить плодородие почвы, поэтому приезжали весной, когда появлялась растительность. Переселенцы обращали все имущество в деньги, оставляя только самый ценный инвентарь и брички, с собой везли в среднем 200—300 руб. на хозяйство. Устройство населенных пунктов начиналось с выбора места под поселок и разбивки его плана.

Переселенческие села, как правило, не были изолированы друг от друга и образовывали целые «кусты» поселений, тяготевших либо к одному центру, либо тянувшихся вдоль почтовых трактов, железных дорог, рек. Исключение могли составлять небольшие самовольные села, возникшие в отдаленной или труднодоступной местности. В возникших поблизости городах и торгово-промышленных поселках крестьяне могли делать крупные покупки, заключать торговые сделки, туда же свозили на переработку или отправку в другие регионы сельскохозяйственную продукцию, предназначенную на продажу [7, с. 225].

Надо отметить, что юридически в каждой переселенческой деревне должно было существовать местное «общество», т.е. община. Подобная практика насаждалась административными органами Степного края по образу и подобию российской деревни, основанному на социальной платформе «мир». Делалось это для того, чтобы сохранить и задействовать фискальный характер общины.

При внимательном рассмотрении видно, что сельская община все-таки жила и развивалась по внутренним, присущим ей законам. Несмотря на кажущуюся возможной анархию при захватной форме землепользования. Здесь действовали правила общинного обустройства [8, с. 225].

В работе «Киргизы на совещании Степного генерал-губернатора» А. Букейхан резко критикует действия царских землемеров, которые изымают у казахов земли, представляющие самую большую ценность для скотоводов, при этом вытесняя казахов на безводные каменистые, песчаные территории. Он подчеркивал, что казахов оттесняют от рек и колодцев, которые являются настолько ценными, что без них вести хозяйство не имеет никакого смысла. По этой причине казахам приходится брать в аренду земли, принадлежащие им по праву и платить при этом большую арендную плату: «...Многие водные источники исчезли, высохли, во многих вода стала убывать. Г.г чиновники наравне с усадьбами, пашнями, покосами и зимними пастбищами отнимают киргизские лучшие колодцы и озера, оставшаяся без источника степь теряет всякую ценность. Если раньше было у киргиз 10 озер, то ныне им оставлено одно. Крестьяне, имеющие 1/9 киргизского скота,

владеют 9/10 водопоев, а киргизы, вместо прежних 3-х раз в день ныне поят скот один раз, так как нет воды. От недостатка ее киргизы стали на верный путь разорения» [4, с. 249].

Целенаправленные действия колониальной администрации А. Букейхан расценивает, как намеренные, проводимые со злым умыслом. В особенности, как он отмечал, в этом преуспевают чиновники казахских офицеров, которые наживаясь на чужих бедах, изымают у казахов земли, а затем требуют большие суммы.

Предвещая крах такой переселенческой политики, А. Букейхан писал: «... Если к этому прибавить возрастающий недостаток воды, то не трудно придти к заключению, что сочтены дни переселенческой политики правительства, предлагающего безземельному голодному народу безводные киргизские степи с зачетом нескольких неудобных десятин за одну удобную» [4, с. 249].

В начале XX в. значительно активизировалось переселенческое движение. Территория Казахстана была разделена на переселенческие районы: Тургайско-Уральский, Семипалатинский, Сырдарьинский, Семиреченский. Были созданы переселенческие управления, которые должны были выявлять «излишки» земель для создания «переселенческого фонда». Каждая казахская семья имела право на пользование наделом в 15 десятин земли; вся остальная земля переходила в общественный земельный фонд, управляемый министерством государственной собственности.

Такая политика тотального изъятия земель стала губительной для кочевого хозяйства. Так, по подсчетам агронома А. А. Кауфмана, для нормального функционирования скотоводческого хозяйства каждое кочевое хозяйство, например, в Сырдарьинском регионе нуждалось в 145 десятинах земли, а в Семиреченском – в 110 десятинах. Причем земли у казахов изымались в «переселенческий фонд» без учета пастбищ, скотопрогонов, водопоев, а порой и вопреки сложившимся маршрутам кочевий, сознательно перекрывая их в целях взимания платы за прогон скота.

Новым этапом аграрных реформ в России стали, так называемые «столыпинские реформы», суть которых заключалась в стремлении ставшего в 1906 году председателем Совета министров П. А. Столыпина создать в деревне прослойку аграрной буржуазии – крепких хозяйственников, получивших позднее номинацию кулаков. Согласно столыпинским реформам, крестьянам разрешалось выходить из общины со своим наделом и образовывать хутора. Особое внимание Столыпин уделял окраинам империи, в том числе и Казахстану – благоприятному, как считали в администрации, для хлебопашества региону. Системой льгот поощрялось переселение сюда крестьян из России и создание кулацких хозяйств. Под хутора выделялось 45 десятин удобной и 15 десятин пахотной земли. Землеотводным организациям разрешалось выселять местных бедняков и селить вместо них крестьян-кулаков.

Вскоре было образовано Переселенческое управление для руководства движением на Восток. Специально направленная в казахские степи в 1896 г. экспедиция под руководством Ф. А. Щербины должна была выявить «излишки» земель, находящихся в землепользовании у казахов, для возможной организации там переселенческих участков. На ряду с этими действиями практиковалась политика, направленная на ограничение потока переселенцев «учинение препятствий» для самовольного водворения, сохранялась и в первые годы XX в.

Особенности климата, невысокий уровень плодородного слоя привел к плачевным последствиям. Посевы крестьян на новых землях постигали частые неурожаи. Предсказывая их судьбу А. Букейхан писал: «Когда переселенцы выпашут многовековую целину Киргизского края, в чем трудно сомневаться, распылят и засолонят его лучшие почвы, то в лучшем случае обратятся в скотоводов, если не отряхнут ног своих от этой заманчивой простором, но скудной по содержанию степи...» [4, с. 248].

В работе «Кризис канцелярского переселения» автор, на основании опубликованных переселенческим управлением данных о переселении за Урал, анализирует состояние переселенческого движения. По мнению исследователя, наблюдается рост возвратного

движения крестьян. К тому же, сокращается число ходоков, а также крестьян, переселившихся самовольно. Исследователь приходит к выводу, что переселенческое движение находится в кризисном состоянии. Это факт не стал неожиданностью. В этой связи лидер движения «Алаш» отмечал следующее: «...В результате мы имеем, с одной стороны, чуть ли не массовые бегство переселенцев обратно в разоренные старые гнезда, а с другой – разорение туземного населения, за счет которого бюрократия облагодетельствовала русского крестьянина. Пусть в этом отношении печать была голословна и пристрастна, но и официальные документы свидетельствуют, что в переселении далеко не все обстоит так благополучно, как стараются убедить чиновники. Так в отчете графа Палена мы находим указания на то, что во время ревизии беспрерывно поступал жалобы на отобрание под переселенческие участки наиболее ценных и при том обрабатываемых земель, на массовый снос жилищ и выселение туземцев на непригодные для сельского хозяйства земли. Далее, в отчете констатируется, что русские переселенцы применяют к почвам Сибири хищнические приемы эксплуатации, систематически понижая производительность отведенных земель...» [4, с. 273].

В работе «Киргизы» исследователь также особое внимание уделяет проблеме переселенческого движения. В этой связи он отмечает: «...За один 1907 год отведено под переселенческие участки и отчуждено от киргизских земель в киргизской степи 54 тысячи душевые доли (считая по 3 души обою пола в семье) или 810 тысяч десятин, в том числе в одной Акмолинской области 36 т. душевых долей или 510 т. десятин, падающих, главным образом, на северные уезды области, где земельная теснота довела уже киргиз, говоря канцелярским языком, до «сопротивления властям...» [4, с. 68].

В этих условиях положение дел у казахских шаруа становилось удручающим. Лидер национального движения выступает с резкой критикой действий колониальной администрации: «...Правительство решило поэтому «колонизовать» киргизские степи маломощными крестьянами, неспособными к улучшенным приемам хозяйства, наделив их 10-десятинным душевым наделом, чтобы на место двух посадить трех; с законами, ограждающими права киргиз (казахов – Авт.) при этом они не церемонятся...» [4, с. 69].

Таким образом, можно прийти к выводу, что тематика влияния последствий колонизации на благосостояние населения Казахской степи в трудах А. Н. Букейхана занимает ведущее место. Им дан обстоятельный и качественный анализ, основанный на статистических данных и собственных наблюдениях. Он пришел к заключению о том, что в результате колонизации Казахской степи территория Казахстана была разделена на отдельные территориально-административные единицы, что нарушало практиковавшуюся веками традиционную систему землепользования кочевников. В условиях нарастания массового переселенческого движения пастбищные пространства сократились и это привело к вынужденной седентаризации кочевников.

Список использованных источников:

1. Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. 2-е изд. доп. – Астана: «Алтын кітап», 2007, 551 с. – (Библиотека казахской этнографии, том 36).
2. Кан Г.В. История Казахстана: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. – Алматы: Алматыкітап баспасы, 2011, 312 с., ил.
3. Царская колонизация в Казахстане. По материалам русской периодической печати XIX века. Сост. Ф.М. Оразаев. Алматы: Рауан, 1995, 470 с.
4. Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (Из истории военно-казахской колонизации края в конце XVI – начале XX вв.). Астана: Елорда, 2000, 304 с.
5. Тарихи-этнографиялық зерттеулердегі жерді пайдалану мәселелері. 2-ші бас. толық. – Астана: «Алтын кітап», 2007, 369 б. (Қазақ этнографиялық кітапханасы, 47-ші том).

6. Царская колонизация в Казахстане. (По материалам русской периодической печати XIX века): Рауан, 1995, С. 368.
7. Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008, 464 с, ил.
8. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 3. – Алматы: «Атамұра», 2000, 768 с., илл., карты.

УДК 39

СВЯТОЙ ОБРАЗ КЫДЫР-АТА В МИРОВОЗЗРЕНИИ КАЗАХОВ

Дюсекеева Диана Абиевна
dianadyussekeyeva@gmail.com

студентка 1 курса специальности «Археология и этнология»

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель: А. Бикенов

Предметом моего исследования является образ Кыдыр-Ата, который связан с доисламской мифологией; мировоззрение казахов и вера в покровительство святого покровителя Кыдыр-Ата; Кыдыр-Ата – как пережиток прошлого наших предков.

Целью моей работы является ознакомиться с образом святого покровителя Кыдыр-Ата; узнать, какую роль он играет и по сей день для казахского народа;

Актуальность темы заключается в том, что каждому будет интересно ознакомиться с образом священного покровителя Кыдыр-Ата, мировоззрение казахов и вера в данного персонажа.

Качественно новый уровень в исследовании этнических культур предполагает рассмотрение культуры как целостного феномена. Такой подход к предмету исследования позволяет представить различные проявления, особенности, связи и отношения культуры в органическом единстве. Фундаментальные основополагания традиционной культуры, имманентная логика ее развития аккумулированы в специфическом самобытном миропонимании. Именно поэтому, можно утверждать, что ядром оригинальной культуры того или иного народа является именно – мировоззрение.

Мировоззрение в самом общем виде определяют как систему взглядов на мир и место человека в нем. Центральными категориями мировоззрения выступают «мир» и «человек». В рамках этой оппозиции формируется система духовно-практического освоения действительности, внутри которой представлены в совокупности знания и убеждения, нравственные идеалы людей и регуляторы социального поведения, психологическое и эстетическое отношение к миру. Помимо чисто познавательного ракурса, в мировоззрении наличествуют и такие формы практического освоения мира, как понимание, общение, интерпретация, вообще культурно-исторический контекст. [1]

Исторический характер мировоззрения выражен в его основных формах – в мифологии, религии и философии. Духовно-интеллектуальная эволюция человечества своеобразно преломлялась в ментальных особенностях конкретного исторического народа и его культуры. Для современных народов Центральной Азии интегрирующим фактором выступает общая кочевая культура, сложившаяся на основе кочевого образа жизни, как особый стратегии освоения мира.

Цивилизационные отличия кочевья казахов фиксируются в характере культуры. Пространственно-временные границы существования кочевой культуры определили и доминантные мировоззренческие формы, преобладающие у этих народов. Господство мифологических, религиозных воззрений придало качественное своеобразие кочевому мировоззрению. Характерными чертами кочевой ментальности выступают синкретизм,